

УДК: 821.112.2 – 34.09

**КОНЦЕПТОСИСТЕМА
НЕМЕЦКОЙ ФОЛЬКЛОРНОЙ СКАЗКИ**
Е.С. Путий (Запорожье)

Е.С. Путий. Концептосистема немецкой фольклорной сказки. В статье предложена модель концептуального пространства немецкого сказочного дискурса, основанная на результатах квантитативного и контекстуально-интерпретативного анализа. Определен набор приоритетных концептов и закономерности их сочетаемости.

Ключевые слова: сказочный дискурс, концептосистема, комбинаторика концептов.

О.С. Путий. Концептосистема німецької фольклорної казки. У статті запропоновано модель концептуального простору німецького казкового дискурсу, що базується на результатах квантитативного й контекстуально-інтерпретативного аналізу. Встановлено набір приоритетних концептів і закономірності їхньої сполучуваності.

Ключові слова: казковий дискурс, концептосистема, комбінаторика концептів.

O.S. Puty. Conceptual system of the German folk tale. This paper presents a model of the conceptual space of the German fairy-tale discourse based on the results of the quantitative and interpretative analysis. It reveals a set of dominant concepts and regularities of their combinability.

Key words: fairy-tale discourse, conceptual system, combinability of the concepts.

1. Вводные замечания. Изучение когнитивного потенциала фольклорных текстов как квинтэссенции духа народа мотивировано стремлением выявить концептуальные доминанты определенной лингвокультуры в относительно “чистом виде” и смоделировать общую картину знаний, верований и ценностей ее представителей. Особый интерес в этом контексте вызывают народные сказки, сохранившие следы архаичных ментальных установок этноса и позволяющие выявить исторические корни его современной модели мира.

Народные сказки не раз становились объектом специальных исследований лингвистов. При этом анализу подвергались их исторический [Zipse 1983], структурный [Пропп 1998] и семантический аспекты [Греймас 2004]. Рефлексия сказочных текстов в рамках когнитивно-коммуникативной парадигмы позволяет говорить о *сказочном дискурсе* как об особой знаковой системе, обслуживающей культурную коммуникацию, в которой под влиянием

различного рода экстралингвистических факторов (культурологических, этнопсихологических, ментальных, исторических, этнографических и др.) реализуются аксиологические макростратегии этноса [Миронова 1997: 48].

Существует опыт описания лингвокультурных характеристик [Акименко 2005] и концептуального пространства сказочного дискурса на материале английского языка [Єремеева 1997]. Концептуарий немецкой фольклорной сказки остается пока вне поля зрения лингвистов, чем и продиктована **актуальность** данной статьи, **объект** которой составляет немецкий сказочный дискурс (НСД), а **предмет** – система актуализированных в нем концептов. **Цель** работы заключается в моделировании конфигурации концептов НСД с учетом их внутрисистемных связей и отношений. В качестве фактического материала был использован корпус фольклорных сказок проекта “Gutenberg-DE” [Grimm, e-doc].

Методологической предпосылкой настоящего исследования служит положение о том, что каждый дискурс способен образовывать свою собственную концептосистему, формируемую конфигурациями типологически разных ментальных единиц [Приходько 2008: 244]. Как совокупность апелляций к различным концептам он обуславливает их от- и подбор (селекция и адсорбация), а также их актуализацию в соответствии с собственной типологической принадлежностью как социокультурно маркированного продукта коммуникации [Приходько 2008: 248; Шевченко 2010: 74].

2. Концептуальное пространство немецкого сказочного дискурса. Назначение сказочного дискурса состоит в нахождении и переживании сущностных смыслов бытия человека, в попытке истолковать его взаимосвязь с окружающим миром [Карасик 2002: 281]. Ситуативно-свободный моносубъектный характер сказки позволяет ей реализовать познавательную установку, унаследованную от мифа, в форме наставительно-дидактической стратегии [Акименко 2004: 50]. Однако в отличие от своего предшественника она утрачивает эзотеричность, перестает быть “тайным” знанием посвященных [Мечковская 2007: 363] и объясняет суть вещей с помощью “игрового регистра” дискурса [Борботько 2009: 79] – в виде юмористического назидания через иносказание.

Экспланаторно-дидактическая прагматика сказочного дискурса, его генетическая связь с мифом, а также игровая форма назидательности обуславливают характер, частотность и комбинаторику концептов, к которым он апеллирует. В свою очередь типологические особенности концептов (исконные/заимствованные, параметрические/непараметрические) определяют их статус в НСД – метахтонный, автохтонный или аллохтонный (термины А.Н. Приходько [Приходько 2008, с. 240]).

С целью воссоздания ментально-информационного портрета НСД был проведен квантитативный и контекстуально-интерпретативный анализ текстов немецких фольклорных сказок, в результате которого были выделены 175 приоритетных концептов: один метахтон, 15 автохтонов и 159 аллохтонов. При

этом было установлено, что набор концептуальных автохтонов НСД является принципиально закрытым, а аллохтонов – относительно открытым, что объясняется социально-исторической спецификой этой сферы коммуникации, с одной стороны, и воспроизводимостью ее текстов, – с другой. Кроме того, анализ свидетельствует об отсутствии прямых корреляций между коммуникативной продуктивностью концепта и его дискурсивным статусом.

Метахтонные концепты (метаконцепты) представляют собой “ментальные единицы, возникшие в результате осмысления носителями языка продуктов предшествующей концептуализации, оформленных как семиотические образования” [Слышкин 2004: 99]. Они дают имя дискурсу, способствуют максимальной концептуальной насыщенности картины мира, конституируемой в его текстах, однако избегают эксплицитной реализации в них. Так, метахтон MÄRCHEN / СКАЗКА, продуктивность которого в НСД составляет всего 0,06%, рефлексивует клишированность элементов композиции сказки (*Mein Märchen ist aus, dort läuft eine Maus, wer sie fängt, darf sich eine große Pelzkappe daraus machen; Da kam eine Maus, das Märchen war aus* [Grimm, e-doc]), а также сигнализирует ценностное отношение к ней клиентов дискурса, подчеркивая ее игровой, развлекательный, вымышленный характер (*Und wenn sie ausgebetet haben, soll das Märchen weitererzählt werden, sie beten aber alleweile noch immer fort* [Grimm, e-doc]).

Автохтонные концепты исторически сформировались в рамках определенного дискурса и продолжают регулярно в нем воплощаться [Слышкин 2004: 106; Приходько 2008: 240]. В НСД автохтоны составляют 9% его концептуального пространства, а их продуктивность – 14% от общего числа актуализаций. К ним относятся мифоконцепты SONNE / СОЛНЦЕ, MOND / ЛУНА, HIMMEL / НЕБО, FEUER / ОГОНЬ, WASSER / ВОДА, а также концепты, отражающие представления об основных сказочных героях – KÖNIG / КОРОЛЬ, PRINZ / ПРИНЦ, PRINZESSIN / ПРИНЦЕССА, HEXE / ВЕДЬМА, TEUFEL / ЧЕРТ, DER RIESE / ВЕЛИКАН, ZWERG / ГНОМ. Это объясняется тем, что образы и мотивы фольклорной сказки являются проекциями мифологической картины мира, которой присущи специфические, образные, чувственные представления о явлениях природы и социальной жизни [Маковский 1996: 15]. Придя на смену матриархальному мифу, фольклорная сказка претерпела ряд смысловых трансформаций: богиня приняла облик ведьмы, колдуньи или мачехи, образ юной принцессы был замещен образом деятельного героя, произошла патриархализация брака, семьи и общества в целом, а символы, восходящие к древнейшим матриархальным обрядам, были вытеснены либо переосмыслены [Zipers 1983: 7].

Квантитативный анализ текстов НСД позволил зафиксировать 159 **аллохтонных** концептов (90,8%) – концептуальных переменных, привнесенных из других когнитивно-семантических пространств для выполнения определенных коммуникативных функций [Приходько 2008: 240]. Набор автохтонов НСД потенциально может варьироваться в зависимости от личности и намерений рассказчика, однако резерв, из которого он черпает

дополнительные концептуальные ресурсы, ограничен социально-историческими рамками породившей его эпохи. Так, сказочные тексты не содержат апелляций к концептам, отражающим представления об индустриализации, коммерции и урбанизации [Zipers 1983: 7].

Совокупность мета-, авто- и аллохтонов НСД образует его концептосистему как результат отображения человеческой мыслью окружающей среды в рамках наивной картины мира. Она формируется в соответствии с коммуникативными предпосылками НСД – констатацией некоего существующего порядка и потребностью в его обосновании и разъяснении. Поскольку сказочное повествование способствует “гуманизации мира”, придает ему индивидуальное и событийное измерение, “мир становится оправданным человеком, а человек оказывается вписанным в этот мир” [Греймас 2004: 307]. Этим объясняется включенность в концептосистему НСД четырех концептуальных доменов – ЧЕЛОВЕК, ПРИРОДА, КУЛЬТУРА и ХРОНОТОП (табл. 1).

Концептуальные домены, составляющие концептосистему НСД, имеют трехъярусную структуру и существуют в триединстве гипер-, гипо- и катаконцептов. Когнитивно-семантическое пространство человек синтезирует гиперконцепты “биологический человек” и “социальный человек”. Первый

аккумулирует представления о биовитальной сущности индивида и подчиняет себе гипо- и катаконцепты, наполненные более конкретным предметно- и чувственно-образным содержанием: “возраст” (DIE ALTE / СТАРУХА, DER GREISE / СТАРИК, KIND / РЕБЕНОК), “ГЕНДЕР” (FRAU / ЖЕНЩИНА, MANN / МУЖЧИНА, MÄDCHEN / ДЕВОЧКА, JUNGE / МАЛЬЧИК), “состояние” (ANGST / СТРАХ, FREUDE / РАДОСТЬ, HUNGER / ГОЛОД, LEID / СТРАДАНИЕ, SCHLAF / СОН, TRAUER / ПЕЧАЛЬ, TOD / СМЕРТЬ) и “части тела” (ARM / РУКА, BAUCH / ЖИВОТ, HAAR / ВОЛОС, HAND / ЛАДОНЬ, HERZ, / СЕРДЦЕ, KOPF / ГОЛОВА). Ментальные единицы, составляющие гиперконцепт “социальный человек”, – “родство” (BRUDER / БРАТ, (STIEF) MUTTER / МАТЬ (МАЧЕХА), (STIEF) SCHWESTER / (СВОДНАЯ) СЕСТРА, SOHN / СЫН, TOCHTER / ДОЧЬ, VATER / ОТЕЦ), “профессия / род занятий” (BAUER / КРЕСТЬЯНИН, DIENER / СЛУГА, HIRT / ПАСТУХ, JÄGER / ОХОТНИК), “добродетель” (FROMMNEIT / НАБОЖНОСТЬ, KLUGHEIT / УМ, SCHÖNHEIT / КРАСОТА, TAPFERKEIT / СМЕЛОСТЬ), – закрепляют социальные роли и морально-этические качества личности, реализуемые в процессе общественного взаимодействия.

Элементы концептуального домена человек обнаруживают наивысшую продуктивность (52%) в текстах НСД, поскольку воплощаются в виде действующих лиц, функции которых лежат в основе морфологии сказки [Пропп 1998: 60]. Так, например, концепт STIEFMUTTER / МАЧЕХА актуализируется в

Таблица 1

**Продуктивность
концептуальных доменов в
немецком сказочном дискурсе**

Домены	Количество	
ЧЕЛОВЕК	7751	52%
ПРИРОДА	3087	21%
КУЛЬТУРА	2181	15%
ХРОНОТОП	1853	12%
всего	14872	100%

функции “вредительство” (антагонист наносит ущерб одному из членов семьи), которая открывает завязку и создает “движение сказки” [Пропп 1998: 27]. Ср.: *Wie sie so fröhlich dahinsprangen, sahs die Stiefmutter vom Fenster mit an und ärgerte sich. Weil sie aber Hexenkünste verstand, so verwünschte sie beide, das Brüderchen in einen Fisch und das Schwesterchen in ein Lamm* [Grimm, e-doc].

Концептуальный домен ПРИРОДА (21%) формируется в НСД такими гипо- и катаконцептами, которые фиксируют в сознании окружающий человека мир в категориях “живая природа” – ФЛОРА (BAUM / ДЕРЕВО, BLUME / ЦВЕТОК, KRÄUTER / ТРАВЫ), фауна (BÄR / МЕДВЕДЬ, ESEL / ОСЕЛ, FUCHS / ЛИС, GANS / ГУСЬ, LÖWE / ЛЕВ, RABE / ВОРОН, WOLF / ВОЛК), сказочные существа (HEXE / ВЕДЬМА, DER RIESE / ВЕЛИКАН, ZWERG / ГНОМ) – и “неживая природа” – ландшафт (BERG / ГОРА, FELD / ПОЛЕ, WALD / ЛЕС, WIESE / ПОЛЯНА), природные явления (FINSTERNIS / МРАК, HIMMEL / НЕБО, (VOLL) MOND / (ПОЛНАЯ) ЛУНА, STERNE / ЗВЕЗДЫ, WIND / ВЕТЕР), стихия (ERDE / ЗЕМЛЯ, FEUER / ОГОНЬ, WASSER / ВОДА) и сверхъестественное (ZAUBER / ВОЛШЕБСТВО). В целом концептуализация ПРИРОДЫ в сказке подчиняется идее взаимосвязи и взаимопроникновения природы и человека, свойственной мифологическому мышлению, что проявляется в интенсивных процессах метафоризации. В результате аллегорического переосмысления явления живой природы приобретают антропоморфные признаки, а неживая природа предстает в образе живого и в определенной мере социализированного существа, которому присущи разум, психика, эмоции и даже речь. Ср.: *“Nein”, sagte die Sonne, “ich habe keine gesehen, aber da schenk ich dir ein Kästchen, das mach auf, wenn du in großer Not bist”* [Grimm, e-doc].

Конституентами домена КУЛЬТУРА (15% концептуального пространства НСД) являются гиперконцепты “материальная культура” и “духовная культура”, содержащие представления об объектах, созданных человеком для удовлетворения собственных витальных и эмоциональных потребностей и обеспечивающих непрерывность процессов жизнедеятельности. Первая составляющая реализуется в таких гипо- и катаконцептах, как “предметы обихода” (BESEN / МЕТЛА, KLEID / ПЛАТЬЕ, MESSER / НОЖ, PFLUG / ПЛУГ, SCHLÜSSEL / КЛЮЧ, TOPF / ГОРШОК), “пища” (BIER / ПИВО, BROT / ХЛЕБ, KÄSE / СЫР, WEIN / ВИНО, WURST / КОЛБАСА), “оружие” (DEGEN / ШПАГА, SCHWERT / МЕЧ), “деньги” (ARMUT / БЕДНОСТЬ, GOLD / ЗОЛОТО, REICHTUM / БОГАТСТВО, SCHÄTZE / СОКРОВИЩА) и “сооружения” (BRÜCKE / МОСТ, SCHLOß / ЗАМОК). В свою очередь гиперконцепт “духовная культура” включает ментальные единицы “религия” (ENGEL / АНГЕЛ, GEIST / ДУХ, GOTT / БОГ, JUNGFRAU MARIA / ДЕВА МАРИЯ, KIRCHE / ЦЕРКОВЬ, SÜNDE / ГРЕХ), “досуг” (LIED / ПЕСНЯ, MÄRCHEN / СКАЗКА, RÄTSEL / ЗАГАДКА) и “торжества” (FEST / ПРАЗДНИК, HOCHZEIT / СВАДЬБА, MESSE / ЯРМАРКА). При этом актуализация таких концептов, как LIED / ПЕСНЯ, MÄRCHEN / СКАЗКА и RÄTSEL / ЗАГАДКА, носит интертекстуальный характер, поскольку развернутая структура ситуативно-свободного НСД способна подчинять себе любой другой дискурс, инкорпорируя его в контекстно-связанном виде. Ср.: *Es [das Schneiderlein] war dahinten ganz lustig und guter Dinge, pfiff das Liedchen “Es*

ritten drei Schneider zum Tore hinaus”, als wäre das Baumtragen ein Kinderspiel [Grimm, e-doc].

Концептуальный домен ХРОНОТОП инкорпорирует гиперконцепты “пространство” и “время”, задающие систему координат сказочного повествования. Гипоконцепты “открытое пространство” (DORF / ДЕРЕВНЯ, GARTEN / САД, LAND / СТРАНА, STADT / ГОРОД, REICH / КОРОЛЕВСТВО), “закрытое пространство” (GRAB / МОГИЛА, HAUS / ДОМ, HÖHLE / ПЕЩЕРА, KELLER / ПОДВАЛ) и “водное пространство” (BRUNNEN / КОЛОДЕЦ, FLUSS / РЕКА, MEER / МОРЕ, TEICH / ПРУД) воплощают представления о месте человека в мире, на “этом” и “том” свете. Так, многие пространственные концепты, к которым апеллирует НСД, выявляют связь с прошлым, царством мертвых, поэтому они могут означать некоторую глубину, похожую на могилу. Ср.: ... *hinter meinem Hause ist ein alter wasserleerer Brunnen, in den ist mir mein Licht gefallen, es brennt blau und verlischt nicht, das sollst du mir wieder heraufholen* [Grimm, e-doc].

Гиперконцепт “время” включает такие элементы, как “время суток” (ABEND / ВЕЧЕР, MORGEN / УТРО, NACHT / НОЧЬ, TAG / ДЕНЬ), “времена года” (FRÜHJAHR / ВЕСНА, WINTER / ЗИМА) и “дни недели” (SONNTAG / ВОСКРЕСЕНЬЕ). При этом НСД концептуализирует исключительно конвенционально-общественное время, отражающее “условно-метрическую периодизацию явлений природы и жизненного мира человека” [Белозьорова 2005: 11]. Ср.: *Als der Winter kam, deckte der Schnee ein weißes Tüchlein auf das Grab, und als die Sonne im Frühjahr es wieder herabgezogen hatte, nahm sich der Mann eine andere Frau* [Grimm, e-doc].

Формируемая гиперконцептами ЧЕЛОВЕК, ПРИРОДА, КУЛЬТУРА и ХРОНОТОП концептосистема НСД обладает всеми системорелевантными свойствами – целостностью, множественностью, структурированностью, изоморфизмом, связью, иерархичностью [Карпов 2003: 299]. Она представляет собой упорядоченную совокупность множества концептов, имеющих тождественное строение и находящихся в определенных связях и отношениях. Конкретизация межконцептных корреляций в терминах подчинения, рядоположения и сочетания позволяет выявить когнитивно-семантическую комбинаторику концептов, смысловая палитра которой визуализирована в рис. 1.

3. Комбинаторика концептов немецкого сказочного дискурса. Актуализируясь в НСД, элементы разных концептуальных доменов выявляют специфическую сочетаемость между собой, образуя конфигурации с одними ментальными единицами и избегая контактов с другими. При этом комбинаторика концептов зависит от их когнитивно-аксиологических параметров, с одной стороны, и от коммуникативных задач и установок рассказчика, – с другой. В первом случае концепты обнаруживают глубинные взаимосвязи, основанные на наличии общих признаков в их когнитивной структуре. Так, корреляция “биологический человек” – “живая природа” обусловлена представлениями о психофизиологических особенностях человека как вида и эксплицируется в сочетаниях типа HUNGER / ГОЛОД – FRUCHT / ПЛОД,

KRÄUTER / ТРАВЫ – LEBEN / ЖИЗНЬ и др., указывающих на способность природы удовлетворить биовитальные потребности индивида. Ср.: *Und weil sie den ganzen Tag gegangen war und keinen Bissen genossen hatte, und der Hunger sie quälte, so dachte sie “ach, wäre ich darin, damit ich etwas von den Früchten äße, sonst muß ich verschmachten”* [Grimm, e-doc].

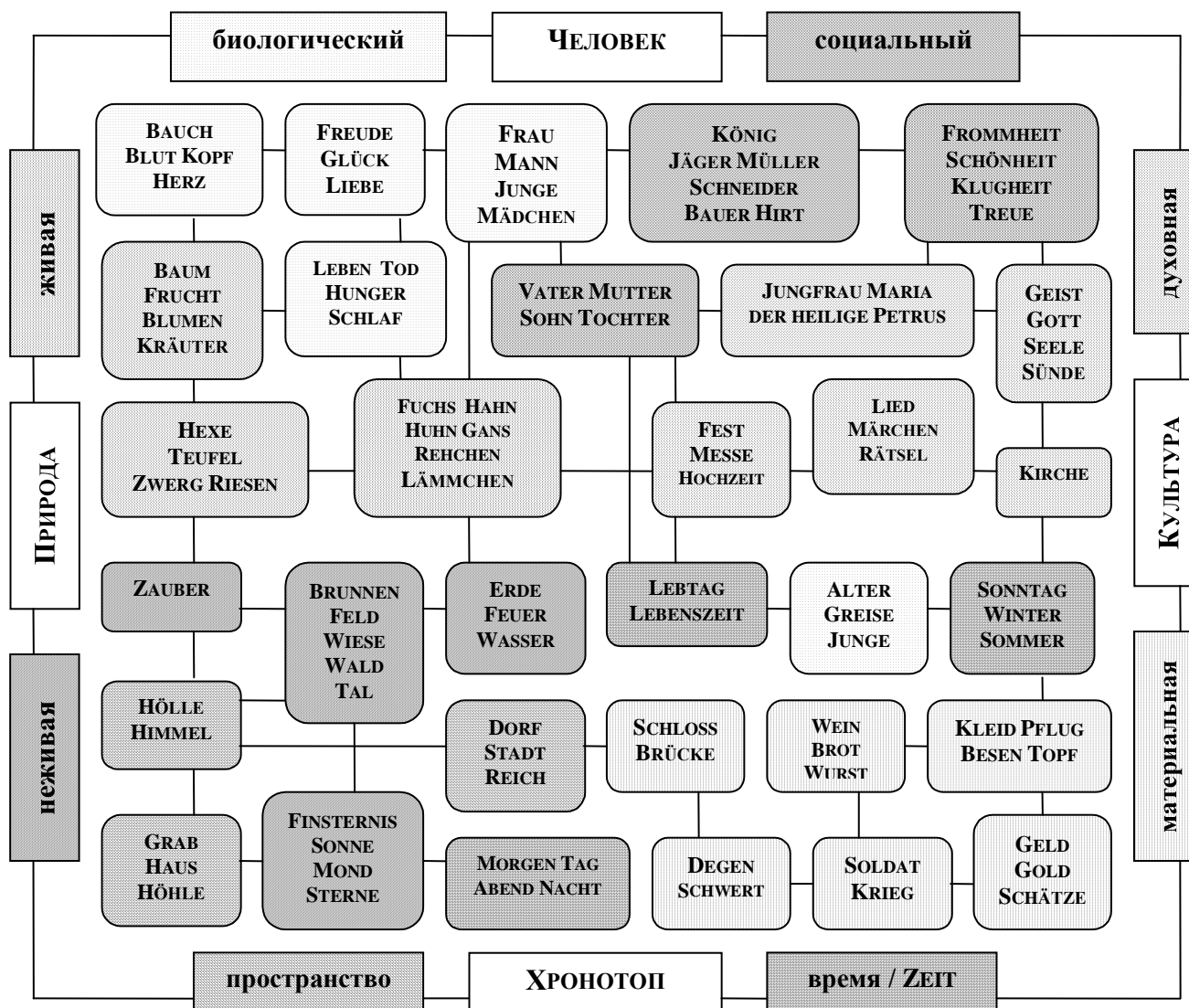

Рис. 1. Концептосистема немецкого сказочного дискурса.

Точками соприкосновения гиперконцептов “социальный человек” и “духовная культура” являются образы, фиксирующие конвенционализированные социальные роли, общественные ценности и религиозные верования народа (MUTTER / МАТЬ – JUNGFRAU MARIA / ДЕВА МАРИЯ, VATER / ОТЕЦ – GOTT / БОГ, TOCHTER / ДОЧЬ – FROMMHEIT / НАБОЖНОСТЬ). При этом концепты, воплощающие профессии / род занятий человека (SCHNEIDER / ПОРТНОЙ, JÄGER / ОХОТНИК, KÖNIG / КОРОЛЬ), обнаруживают также семантически обусловленную сочетаемость с конститuentами гиперконцепта “материальная культура” BESEN / МЕТЛА, KLEID / ПЛАТЬЕ, MESSER / НОЖ, GOLD /

ЗОЛОТО и др., воплощающими их инструментарий либо атрибутику. Ср.: *Da erschrak der Prinz und sprach: "Lieber Jäger, laß mich leben, da geb ich dir mein königliches Kleid, gib mir dafür dein schlechtes!"* [Grimm, e-doc].

Идея периодизации жизнедеятельности человека и творимых им артефактов объединяет гиперконцепты “материальная культура” и “время” и находит отражение в таких межконцептных связях, КАК ZEIT / ВРЕМЯ – GELD / ДЕНЬГИ (TALLER / ТАЛЛЕР), KRIEG / ВОЙНА – SCHWERT / МЕЧ, SOMMER / ЛЕТО – PFLUG / ПЛУГ и пр. При этом ZEIT / ВРЕМЯ занимает особое место в концептосистеме НСД как единственный гипоконцепт, актуализирующийся в сказочных текстах непосредственно, а не рассеянный в реализациях своих катаконцептов. Этим объясняется наличие его прямых корреляций с элементами всех доменов, например, с ментальными единицами ALTER / ВОЗРАСТ, DER GREISE / СТАРИК, JUNGE / МАЛЬЧИК, отражающими биологический возраст человека: *Es war einmal ein steinalter Mann, dem waren die Augen trüb geworden, die Ohren taub, und die Knie zitterten ihm* [Grimm, e-doc].

Контакты гиперконцептов “неживая природа” и “пространство” мотивированы образами предметов и явлений материального мира, мыслимого как среда обитания человека и ее атрибуты [Кубрякова 1997, с. 26]. Эта идея материализуется в текстах НСД в виде комбинаций концептов BRUNNEN / КОЛОДЕЦ – GRAB / МОГИЛА, BERG / ГОРА – HÖHLE / ПЕЩЕРА, WALD / ЛЕС – HAUS / ДОМ, REICH / КОРОЛЕВСТВО – WALD / ЛЕС, HIMMEL / НЕБО – SONNE (MOND, STERNE) / СОЛНЦЕ (ЛУНА, ЗВЕЗДЫ). Ср.: *Sie kam in einen großen wilden Wald, da setzte sie sich auf ihre Knie und betete zu Gott, und der Engel des Herrn erschien ihr und führte sie zu einem kleinen Haus...* [Grimm, e-doc].

Комбинаторику концептов определяют также коммуникативные стратегии НСД, варьирующиеся в зависимости от типа сказки – анималистической, волшебной или бытовой. Так, в анималистических сказках преобладают аксиологическая, экспланаторная, дидактическая и лудическая стратегии, реализующиеся в морально-этическом наставлении, ценностной ориентации клиента сказочного дискурса посредством иронического иносказания [Акименко 2004: 50]. Когнитивно-семантический профиль этого сегмента НСД состоит в сочетаемости гендерных концептов с зоологическими: MANN / МУЖЧИНА – HANN (FUCHS, LÖWE, WOLF) / ПЕТУХ (ЛИС, ЛЕВ, ВОЛК), FRAU / ЖЕНЩИНА – HUNN (GANS, KATZE) / КУРИЦА (ГУСЫНЯ, КОШКА). Когнитивной предпосылкой подобных комбинаций является присвоение образу животного антропоморфных черт, олицетворяющее, осуждающее и высмеивающее человеческие пороки (глупость, трусость, хвастовство, плутовство, жестокость, лесть, лицемерие и т. п.). Ср.: *Es trug sich zu, daß die Katze in einem Walde dem Herrn Fuchs begegnete... so sprach sie ihm freundlich zu. "Guten Tag, lieber Herr Fuchs, wie gehts? wie stehts?" ... Der Fuchs, alles Hochmutes voll, betrachtete die Katze von Kopf bis zu Füßen und wußte lange nicht, ob er eine Antwort geben sollte* [Grimm, e-doc].

В волшебной сказке, преследующей цель развлечения и убеждения адресата в неправдоподобной и неконкретной сказочной информации, осуществляется набор стратегий, соотносимый со всеми параметрами сказочного дискурса (чудо, аксиологичность и размытый хронотоп) [Акименко 2004: 51]. Концептуальными доминантами волшебных сказок являются автохтоны НСД, воплощающие представления о сверхъестественных (HEXE / ВЕДЬМА, TEUFEL / ЧЕРТ) и мифологических СУЩЕСТВАХ (DER RIESE / ВЕЛИКАН, ZWERG / ГНОМ). Спецификация всех остальных концептов, к которым апеллируют волшебные сказки, осуществляется путем их комбинирования с автохтонами, вследствие чего возникают сочетания типа HEXE / ВЕДЬМА – FRAU (STIEFMUTTER, HAUS, WALD, FEUER) / ЖЕНЩИНА (МАЧЕХА, ДОМ, ЛЕС, ОГОНЬ), TEUFEL / ЧЕРТ – NACHT (GOLD, TOD) / НОЧЬ (ЗОЛОТО, СМЕРТЬ), DER RIESE / ВЕЛИКАН – BERG (BAUM, TOD, ANGST) / ГОРА (ДЕРЕВО, СМЕРТЬ, СТРАХ) и пр. Ср.: *Der Teufel dachte "mit Gold fängst du die zwei Haderlumpen am besten," zog gelindere Saiten auf und fragte ganz zutraulich, ob sie nicht einen Beutel mit Gold annehmen und damit heimgehen wollten* [Grimm, e-doc].

Преломляясь сквозь призму чуда (волшебства, колдовства), концепты образуют конфигурации с автохтоном ZAUBER / ВОЛШЕБСТВО, фиксирующие целые когнитивные сценарии превращения: KÖNIGSSOHN / ПРИНЦ – ZAUBER / ВОЛШЕБСТВО – LÖWE / ЛЕВ – ZEIT / ВРЕМЯ (*Der Löwe aber war ein verzauberter Königssohn und war bei Tag ein Löwe, und mit ihm wurden alle seine Leute Löwen, in der Nacht aber hatten sie ihre natürliche menschliche Gestalt* [Grimm, e-doc]), ZEIT / ВРЕМЯ – ZAUBER / ВОЛШЕБСТВО – HEXE / ВЕДЬМА – KÖNIGSSOHN / ПРИНЦ – WALD / ЛЕС (*Zur Zeit, wo das Wünschen noch geholfen hat, ward ein Königssohn von einer alten Hexe verwünscht, daß er im Walde in einem großen Eisenofen sitzen sollte* [Grimm, e-doc]) и др. Пересечения ZAUBER / ВОЛШЕБСТВО с автохтонными мифоконцептами SONNE / СОЛНЦЕ, FEUER / ОГОНЬ, WASSER / ВОДА отражают верования народа в магическую силу природы. Ср.: *Da sprach der Alte: "Ich weiß noch ein Mittel, das ist das Wasser des Lebens, wenn er davon trinkt, so wird er wieder gesund; es ist aber schwer zu finden"* [Grimm, e-doc].

В отличие от анималистических и волшебных бытовые сказки максимально приближены к действительности и нацелены на иносказательную критику существующего общественного порядка [Акименко 2004: 52]. При этом доминирующая в них персуазивная стратегия выражается в форме косвенного убеждения с помощью имплицитной оценки героя – глупца (BRUDER LUSTIG, DAS BÜRLE) или мудреца (DER HEILIGE PETRUS). В сказочных текстах этого типа особую продуктивность обнаруживают концепты с четко выраженной ценностной компонентой GLÜCK / СЧАСТЬЕ, FROMMHEIT / НАБОЖНОСТЬ, TAPFERKEIT / СМЕЛОСТЬ, REICHTUM / БОГАТСТВО, SÜNDE / ГРЕХ и др., а также их комбинации с элементами концептуального домена КУЛЬТУРА – “профессия” (*Der Schneider band sich den Gürtel um den Leib und wollte in die Welt hinaus, weil er meinte, die Werkstätte sei zu klein für seine Tapferkeit* [Grimm, e-doc]), “пища” (*Also lief es noch einmal in den Keller, tat einen ehrbaren Trunk,*

und aß das eine Huhn in aller Freudigkeit auf [Grimm, e-doc]), “торжество” (...*und ward die Hochzeit gehalten mit großer Glückseligkeit* [Grimm, e-doc]).

4. Выводы. Подводя итог, отметим, что концептуальное пространство немецкого сказочного дискурса имеет упорядоченный, системный характер и формируется четырьмя концептуальными доменами – человек, природа, культура и хронотоп, каждый из которых структурируется определенным набором гипо- и катаконцептов. Актуализируясь в сказочных текстах как мета-, авто- или аллохтоны, ментальные единицы обнаруживают определенную сочетаемость, обусловленную их когнитивно-семантическими параметрами, с одной стороны, и коммуникативными стратегиями дискурса, – с другой. В анималистических сказках преобладают конфигурации гендерных концептов с зоологическими (MANN / МУЖЧИНА – HAHN (FUCHS) / ПЕТУХ (ЛИС), FRAU / ЖЕНЩИНА – HUHNER (GANS) / КУРИЦА (ГУСЫНЯ), в волшебных – когнитивные сценарии с автохтоном ZAUBER / ВОЛШЕБСТВО (ZEIT / ВРЕМЯ – ZAUBER / ВОЛШЕБСТВО – HEXE / ВЕДЬМА – KÖNIGSSOHN / ПРИНЦ – WALD / ЛЕС), а профиль бытовых сказок образуют комбинации валоративов с концептами домена КУЛЬТУРА (TAPFERKEIT / СМЕЛОСТЬ – SOLDAT / СОЛДАТ, REICHTUM / БОГАТСТВО – GELD / ДЕНЬГИ, GLÜCK / СЧАСТЬЕ – HOCHZEIT / СВАДЬБА).

Перспективным представляется изучение лингвокультурных типажей немецкого сказочного дискурса, их образно-ассоциативного фона и ментального окружения с целью экстракции глубинных этнопсихологических установок, интериоризированных в концептосфере немецкого народа.

ЛИТЕРАТУРА

1. Акименко Н.А. Лингвокультурные характеристики англоязычного сказочного дискурса : автореф. дис. ... канд. филолог. наук : 10.02.04 / Н.А. Акименко / Волгоградский гос. ун-т. – Волгоград, 2005. – 20 с.
2. Акименко Н.А. Стратегии англоязычного сказочного дискурса / Н.А. Акименко [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.lib.kalmsu.ru/text/TRUD/Akimenko_NA/p001.pdf.
3. Белозьорова Ю.С. Когнітивно-дискурсивна концептуалізація часу в сучасній німецькій мові : автореф. дис. ... канд. філол. наук : 10.02.04 / Ю. С. Белозьорова / Запорізький нац. ун-т. – Запоріжжя, 2005. – 22 с.
4. Борботько В.Г. Принципы формирования дискурса: От психолингвистики к лингвосинергетике / В.Г. Борботько. – М. : Либроком, 2009. – 288 с.
5. Греймас А.-Ж. Структурная семантика: Поиск метода / Перев. с фр. Л. Зиминной. – М. : Академический проект, 2004. – 368 с.
6. Єремєєва Н.Ф. Концептуальний простір англійської народної казки : автореф. дис. ... канд. філол. наук : 10.02.04 / Н.Ф. Єремєєва / Київськ. держ. лінгвіст. ун-т. – Київ, 1997. – 20 с.
7. Карасик В.И. Языковой круг : личность, концепты, дискурс / В.И. Карасик. – Волгоград : Перемена, 2002. – 477 с.

8. Карпов В.А. Язык как система / В.А. Карпов. – М. : Эдиториал УРСС, 2003. – 304 с.
9. Кубрякова Е.С. Язык пространства и пространство языка (к постановке проблемы) / Е.С. Кубрякова // Известия АН. Серия литературы и языка. – 1997. – Т. 56. – № 3. – С. 22-31.
10. Маковский М.М. Сравнительный словарь мифологической символики в индоевропейских языках: Образ мира и миры образов / М.М. Маковский. – М. : Владос, 1996. – 416 с.
11. Мечковская Н.Б. Семиотика : Язык. Природа. Культура / Н.Б. Мечковская. – М. : Академия, 2007. – 432 с.
12. Миронова Н.Н. Дискурс-анализ оценочной семантики / Н.Н. Миронова. – М. : НВИ : Тезаурус, 1997. – 158 с.
13. Приходько А.М. Концепти і концептосистеми в когнітивно-дискурсивній парадигмі лінгвістики / А.М. Приходько. – Запоріжжя : Прем'єр, 2008. – 334 с.
14. Пропп В.Я. Морфологические корни “волшебной” сказки. Исторические корни волшебной сказки / В.Я. Пропп. – М. : Лабиринт, 1998. – 512 с.
15. Слышкин Г.Г. Лингвокультурные концепты и метаконцепты: дис. ... докт. филол. наук : 10.02.19 / Г.Г. Слышкин / Волгоградск. гос. пед. ун-т. – Волгоград, 2004. – 32 с.
16. Шевченко И.С. Дискурсообразующие концепты викторианства: скромность ханжество / И.С. Шевченко // Когниция. Коммуникация. Дискурс. – 2010. – № 2. – С. 73-84.
17. Grimm Brüder. Kinder und Hausmärchen [Электронный ресурс] / Brüder Grimm. – Режим доступа : <http://www.gutenberg.spiegel.de>.
18. Zipes J.D. Fairy tails and the art of subversion / Jack David Zipes. – NY : Heinemann Educational Books, 1983. – 194 p.

Елена Сергеевна Путий, кандидат филологических наук, преподаватель кафедры немецкой филологии и перевода Запорожского национального университета; e-mail: lana.puty@gmail.com.